

УДК 811.161; 81'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/9

НОМИНАТИВНЫЙ СОСТАВ ЯЗЫКА РУСИНОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАРОДА

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет
Россия, 634055, Томск, проспект Ленина, 36
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается номинативный состав языка русинов в аспекте его происхождения как отражение особенностей формирования данного этноса. Русинская лексика характеризуется развитой синонимией, которая сформировалась во многом под влиянием экстралингвистических факторов. Важнейшими из последних являются, с одной стороны, естественная территориальная изолированность карпатских русинов, с другой – поликультурное окружение, многократная смена государственного статуса этих земель, а также современное широкое расселение народа по ряду стран мира. В статье отмечены специфические черты лексики русинского языка: наличие в ней древнего пласта славянской лексики (*зане, рало, рамня*), уникальные образования от исконных корней (*букварник, еднота, мукарити, окнастый*), большого числа заимствований из языков соседних народов – венгерского (*гуляш, легинь*), немецкого (*мельдувати, крам*), румынского и молдавского (*каманак, мелай*), а также западно- (*пруслук, хлопча*) и южнославянских (*багателя, ружа*). Отдельное внимание уделено синонимичному ряду *окно, возур, выглед, обол*ок и др., сформированному под влиянием родственных языков, а также терминам пастушества, отражающим своим составом отмеченные особенности лексической системы языка в целом: архаику восточнославянских языков (*чередарь, пастырь*), славянизмы (*бача, елевникарь, елочерь, ялочерь*), заимствования из неродственных языков (*бовгарь, вакарь, гуляш, кондаш, чабан*).

Ключевые слова: русинистика, язык русин, русинская лексика, народная культура, этнолингвистика, номинация, термины пастушества.

THE NOMINATIVE COMPOSITION OF THE RUSIN LANGUAGE AS THE EVIDENCE OF THE CULTURE-SPECIFIC LIVING CONDITIONS OF THE PEOPLE

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The article discusses the nominative composition of the Rusin language in terms of its origin, as a reflection of this ethnic group formation. The Rusin lexicon is characterized by developed synonymy, largely formed under the influence of extralinguistic factors, the most important of which, on the one hand, is the natural territorial isolation of the Carpathian Rusins, and, on the other hand, their multicultural environment, multiple changes in the state status, as well as the current broad settlement of the ethnic group in the world. The author identifies the specificity of the Rusin lexicon, including an ancient layer of Slavic words (*zane, ralo, ramnja*), unique formations from the ancestral roots (*bukvarnik, ednota, mukariti, oknastyj*), a large number of borrowings from the languages of neighboring peoples – Hungarian (*guljash, letin*), German (*mel'duvati, kram*), Romanian and Moldavian (*kamanak, melaj*), as well as Western- (*prusluk, hlo-pcha*), and South Slavic (*bagatelja, ruzha*) languages. Special attention is paid to the synonymous row “*okno, vozur, vygljad, obolok*”, etc., formed under the influence of cognate languages, and to the shepherd terms, reflecting the specified features of the lexical system of the language at a more general level: archaic units (*cheredar, pastyr*), Slavic units (*bacha, elevnikar, elocher, yalocher*), borrowings from unrelated languages (*bovgar, vakar, gulyash kondash, chaban*).

Keywords: Rusin studies, Rusin language, Rusin lexicon, folk culture, ethnolinguistics, naming, shepherd terms.

Введение в проблему

Аксиомный характер утверждения об отражении в лексической системе любого языка специфики геополитических условий жизнедеятельности народа, особенностей его менталитета не отрицают

актуальности исследований в этнолингвистическом русле. Мнение педагога, языковеда Л. Чопея, что «поєдні люде звыкли поиншак уявити свої гадкы»¹, приведенное в иллюстративной части одной из статей словаря И. Керчи (Керча 2007b: 108), легко доказывается русинским материалом, что демонстрирует тематика докладов ежегодных конференций «Славянские языки в условиях современных вызовов»². Анализируемая в них русинская лексика рассматривается как яркие, культурно маркированные знаки, отражающие ценности этноса, специфику его представлений о мире и месте человека в нем, тесно связанные с историей развития народа. В частности, два года назад автору довелось отстаивать эту мысль на материале лексической группы «Наименования праздников», развитая синонимия в которой сформировалась во многом под влиянием экстралингвистических факторов (Старикова 2016). Важнейшими среди последних являются, с одной стороны, естественная территориальная изолированность карпатских русинов, с другой – поликультурное окружение, многократная смена государственного статуса этих земель, а также современное широкое расселение народа по ряду стран. Особые условия бытования русинов обусловили специфические черты языка, лексический уровень которого характеризуется наличием в нем древнего пласта славянской лексики и большого числа заимствований из языков соседних народов – венгерского, немецкого, румынского, молдавского, а также западно- и южнославянских.

Материалом настоящего исследования стала русинская лексика, отражающая внешние условия жизнедеятельности этноса. Источниками для нее послужили двухтомные *Русинско-русские словари* И. Керчи (Керча 2007a; Керча 2007b; Керча 2012a; Керча 2012b)³, некоторые диалектные словари (ГГ; Онышкевич 1966; СЛ и др.). Собранный номинативный материал верифицировался другими лексикографическими трудами – прежде всего этимологическими (ЭССЯ; ЕСУМ), а также толковыми (СУМ), выводами лингвистических работ сходной тематики.

Лексика языка русинов в аспекте происхождения (как отражение специфики условий бытования этноса). Как указывал видный деятель галицко-русинского возрождения Я. Головацкий (1814–1888), «вся подкарпатская страна и карпатское погорье заселены были с доисторических времен племенами славянскими» (Головацкий 2008: 226), поэтому, несмотря на разновременное вхождение отдельных частей этих земель в различные государственные объединения, в т. ч. неславянские, народ, называемый карпатороссами, угрорусами, угрорусинами, относится к славянам, соответственно, основу его лексической системы составляет **общеславянская лексика**. Та его часть, которая в большей степени определенности считает себя русинами

(бойки, лемки, гуцулы), представляет восточнославянскую языковую группу, развивавшуюся в условиях сильного влияния западных и южных славянских языков. Уже первое знакомство со словарями языка русинов поражает лексикой, известной по древнерусским текстам: *веверка*, *вевериця* 'белка', *жила* 'вена', *зане*, *понеже* 'ибо, потому что', *котора* 'раздор', *перека* 'спор', *поломень* 'пламя', *поорати* 'вспахать', *рало* 'плуг, культиватор', *пораловати* 'взрыхлить', *рамо*, *рамня* 'плечо', *рекше* 'то есть, то бишь' и др. Примечательно, что абсолютное большинство из них *Етимологічний словник української мови* (ЕСУМ) отмечает как областные или устаревшие.

Как представляется, об «определенной изолированности праславянской карпатской лексики в славянском мире» (Осипова 1991: 190) могут свидетельствовать а) в значительной степени реликтовая для восточных славян лексика, известная, например, древнерусскому, но утраченная русским, белорусским, отчасти украинским языком; б) уникальные (прежде всего для восточной группы языков) дериваты от праславянских корней. Примерами первой группы могут служить *жир* 'буковые орешки; лесной корм вообще', *сесь* 'этот', *межичас* 'межвременье, переходный период', *мотуз*, *мотузя* 'бечева, шнурок' (укр. *мотуз*, *мотоуз* – 'канат') (ЕСУМ 3: 524), *мур* 'стена', *порота* 'суд присяжных', *ротити* 'клясться, присягать' < д.-рус. *рота* 'клятва, божба, присяга', ср. укр. диалектное *ротити*, *рутити* 'проклинать', *рочити(ся)* 'присягать' (ЕСУМ 5: 127), *оногди*, *оногдички* (ГГ: 139) 'недавно, на днях' и др. Во вторую входят производные типа *легойко* 'легко, ловко, проворно' (ср. укр. *злегенька*, *легко*, пол. *lekki*, *leciutko*, слвн. *lahkotno*, слвц. *lahko*, чеш. *lehce*, хорв. *polako*), *мукарити* 'мучить; мучиться' (ср. укр. *мучачи*, *мучити*, болг. *гриза* / *измъчвам*, пол. *męczyć*, слвц. *mučiť*, хорв. *mučiti*, чеш. *mučit*), *ледовати́ти* 'леденеть, становиться льдом' (ср. рус. *леденеть*, обл. *леднеть*, в.-луж. *lódnjeć*, пол. *lodnieć*), аналогично – *мури́во* 'кладка', *мури́ско* 'крепостная стена', *муровати* 'строить из камня, кирпича', *поперсник* 'нагрудник, слюнявчик', *персняк* 'нагрудный ремень конской сбруи', *персатый*, *персовый* 'грудастый', 'к груди относящийся' < *перса* 'грудь коня' и *персо*, мн. *перса* 'женская грудь', ср. укр. *перса* (в обоих значениях), *персистий*, *персний* 'грудной', *персовий* 'выпуклый' (ЕСУМ 4: 365), *попересень* 'поперечный ремешок шлеи хомута' (ЕСУМ 4: 516) и др.

Не просто территориальная близость с родственными по языку народами, а временами и совместная государственная история с рядом из них способствовали вхождению в русинский западно- и южнославянизмов. Первая группа представлена, прежде всего, заимствованиями из польского, словацкого, чешского, вторая – из словенского, (сербо)хорватского, причем нередкая общность этих

образований в названных языках затрудняет определение непосредственного источника заимствования лексической единицы. Так, *юнак* 'юноша, молодец' с этой же формой бытует в укр., блр., болг., а также в пол., с.-хорв., слвн., слвц., чеш. (*junak*), макед. (*јунак*). Близкую картину можно наблюдать со словами *єдинак* / *єдиначка* 'единственный ребенок', *млин* 'мельница', *борзити* 'торопить, ускорять', *юрити* 'действовать проворно', *юха* / *юшка* 'суп; нечто жидкое' и др. Чаше всего словари указывают на польский язык как на источник или же посредник при восприятии слов русинами: *гасло* 'пароль' (пол. *hasło*, ср. чеш., слвц. *heslo*, слвн. *geslo*), *жебы* 'чтобы' (пол. *żeby, ażeby*), *набіл* 'молочные продукты' (пол. *nabiał*), *гуля* 'нарост' (пол. *gula*, слвц. *guľa*), *гарбата* 'чай' (СЛ: 45) (пол. *herbata*, др. языки – *чай, čaj, čaj*), *орер* (СЛ: 102), *огер, огирь* (Піскунов 1882: 162) 'жеребец' (укр. *огир*, пол. *ogier*), *ямник* 'охотничья собака, такса' (пол. *jamnik*) и др.

Я. Головацкий в своем историко-этнографическом очерке о Карпатской Руси неоднократно подчеркивал тесную связь этих земель с хорватами и сербами, предположительно с чехами, называя будущее Угорье местом исхода этих народов на современные территории своих стран (Головацкий 2008: 224, 226). В частности, словарь А. Павлешина, в котором представлен говор лемков, позволяет увидеть, как своеобразие языка русинов этой этнической группы, так и большее его сходство на лексическом уровне с хорватским языком по сравнению с украинским, диалектной разновидностью которого он назван в этом сводном лексикографическом труде (СЛ). Некоторые иллюстрации к сказанному представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Сопоставление русинского (лемковского говора) с украинским
и хорватским языками**

Значение	Русинский	Украинский	Хорватский	СЛ, страница
'хлеб, булка'	адзимка	паляниця	lepinja	27
'азбука, алфавит'	абцадло (абетка)	алфавіт	abeceda (alfabet)	27
'безразлично'	багателя	байдуже	bagatela	28
'бархат, плюш'	баршан	плюш	baršun	29
'пальцы'	батаньці	пальці	prsti	29
'разговор'	бесыда	розмова	razgovor	30
'близнецы'	близьці	близнята	blizanci	31
'башмаки, туфли'	боканчы	черевики	cipele, bakandže	33
'сметана'	верхнина	сметана	vrhnje	37
'прошлогодний'	вінський	минулорічний	lanjsk	40
'туалет, нужник'	выходок	туалет	zahod	44
'бич, нагайка'	корбач	нагайка	korbač, bič	82

Таким образом, словари дают возможность увидеть в лексическом составе языка русинов большое количество уникальных образований от праславянских корней, напр., *букварник* ‘недоучка’ (Керча 2007а: 100), *борз’опул’ко*, *борзи(е)йко* ‘быстренько’ (Онышкевич 1966: 89), *боржи(й)* ‘спешно, резвее’ (Керча 2007а: 91), *окнастий* ‘с большими окнами’ (Піскунов 1882: 166), *наличман* ‘маска; намордник’ (ГГ: 130), *єднач* ‘соглашатель’, *єднати* ‘вести переговоры, договариваться; посредничать; извиняться, мириться’, *єднанка* ‘переговоры, перемирие’, *єдноговур* ‘монолог’, *єдинець* ‘отдельный человек, личность’, *єднота* ‘единство’ (Керча 2007а: 267), ср. укр. *єдність*, с.-хорв., чеш., словц. *jednost*, пол. *jedność* (ЭССЯ 6: 18) и др.

Специфические региональные условия породили вариативность среди однокорневых наименований: *крітиковати*, *крітізовати* ‘критиковать’, *ласкати*, *лащити* и *голубити*, *голубкати* ‘ласкать’, *пола*, *половина*, *половиця*, *половка* ‘половина’, *попити*, *поповати* ‘работать попом’, *посув*, *посувок*, *посуваня* ‘движение, перемещение, подвижка’; *поточа*, *поточок*, *поточина*, *потук* ‘ручей, ручеек, поток’; *пятниця*, *пятюк* ‘пятый день недели’, *сїда’к*, *сї’дало*, *сїдиско* (СЛ: 130), ‘сиденье’ и др. В этом можно видеть как влияние соседних языков, так и богатый деривационный потенциал языка русинов, в т. ч. развившийся под влиянием первых. Данное замечание, надо полагать, справедливо и в отношении разнокорневых лексем в синонимических рядах. В представленной ниже таблице материал демонстрирует и уникальные образования в языке русинов на фоне других языков, родственных и неродственных, и показывает возможность заимствования из последних некоторых лексических единиц или же их образования в русинском по образцу указанных языков (табл. 2).

Активное влияние близкородственных языков, в частности, проявляется в русинском наличии лексических дублетов с полногласными и неполногласными сочетаниями: *пропрека* и *перека* ‘спор’, *половий* и *плавий* ‘бледно-желтый’, *передок* и *предок* ‘передок’, *воробок*, *воробель* и *врабель* ‘воробей’ и др.

Яркой иллюстрацией русинской специфики на фоне славянского окружения может служить, например, ряд существительных, обозначающих ‘отверстие в стене для воздуха и дневного света, обычно застекленное’. Так, для русинов доминантной единицей является *окно* – общее для большинства славянских языков: укр. *вікно*, блр. *акно*, словн., пол., чеш. *ókno*, с.-хорв. *òkno*, в.-луж., н.-луж. *wokno* и др., причем однозначным оно подается только в (Керча 2007b: 16). В частности, в болг. *окно* – это еще ‘оконное звено’, ‘дырка’, ‘прорубь’, ‘арка моста’, ‘сусек в амбаре’, ‘соляная копь (шахта)’, ‘прогалина в посевах’ и подобное, аналогичные значения в макед., чеш., пол., серб. и др. В укр.

вікно – ‘окно’, ‘прорубь’, ‘озерко’, ‘углубление в топи, болоте’; ‘свободное время между учебными занятиями’⁴ (СУМ 1: 671), в рус. – ‘родник’, ‘ловушка для птиц’, ‘ячей сети’ и др., в слвн. *ôkno* – также ‘зазор’, ‘мера полевых работ’, причем в основном значении оно уже вытесняется заимствованием *balcón* (ЭССЯ 32: 45–47).

Т а б л и ц а 2

Сравнение русинской лексики с лексикой контактных языков

Значение	Русинский язык	Другие славянские языки	Неславянские языки
‘охота’	<i>полёваня, полёвка, полёвачка, ловитва, ловецтво, ловы, ловля, нагонка, гайтовы, вадаска</i> (Керча 2012b: 82), <i>мысливство</i> (Піскунов 1882: 136)	укр. <i>полювання, мисливство, охота, лови</i> , болг. <i>лов, ловуване</i> , пол. <i>polowanie, łowy łowiectwo, myślistwo</i> , слвц. <i>lov, lovu</i> , слвн., с.-хорв. <i>lov</i> , чеш. <i>lov, hon, honitba, honba</i>	венг. <i>vadászat</i>
‘родинка’	<i>материнський знак, знамень, знаменька, поприк, леньча</i> (Керча 2012b: 326)	укр. <i>родимка</i> , болг. <i>бенка, мол, петно</i> , пол. <i>pieprzyk, znamię, myszka</i> , чеш. <i>mateřské, znaménko</i>	нем. <i>Muttermal, Nävus</i> , венг. <i>lencse</i>
‘тишина’	<i>тихость, тихо-та, тишина, тихо, німота, мертвость</i> (Керча 2012b: 460)	укр. <i>тиша, тишина</i> , чеш. <i>ticho, klid, tichost, tišina, mír</i> , хорв., слвн. <i>tišina</i> , слвц. <i>ticho</i> , пол. <i>cisza, milczenie, pokój</i>	
‘ледокол’	<i>ледоборець, ледоламач</i> (Керча 2012a: 442)	рус. <i>ледокол</i> , укр. <i>криголам</i> , хорв. <i>ledolomac</i> , чеш. <i>ledoborec</i> , слвн. <i>ledolomilec</i> , слвц. <i>ľadoborec</i> , пол. <i>lodołamacz</i> , болг. <i>ледоразбивач</i>	

Подобная полисемия обусловлена древностью слова и многозначностью его производящего: *око* – не только ‘глаз’, ‘глазок’, ‘взгляд’, ‘зрение’, ‘догляд (уход)’, как в укр. (СУМ 5: 665), но и ‘затон’ (слвн.), ‘ячейка’ (в-луж., пол.), ‘петля, силок’ (полаб., пол.), ‘леток в улье’ (рус. и блр.) и проч. (ЭССЯ 32: 41). Архаичные «мерные» значения существительного в (СУМ 5: 672) подаются при *око*² как ‘единица веса около 1,2 килограмма’, ‘мера объема для хмельных напитков в 1–1,5 литра’ // ‘бутыл, фляжка такого объема’, но трактуется слово как заимствование из тур. *okka* ‘мера веса’ (ЕСУМ 4: 171). В русинском разводятся (в)око ‘глаз’ и око ‘впередсмотрящий’ с пометой *мор[ское]* (Керча 2007b: 16), а в гуцульских говорах *око* ‘глаз’; ‘старинная мера жидкости в один литр’, соответственно, *оковий* – это ‘литровый’ (ГГ: 138).

Согласно мнению составителей ЭССЯ, *окно* представляет древнейшее название данной реалии у славянских народов, тогда как прочие ее обозначения являются местными новообразованиями (ЭССЯ 32: 47). К числу последних могут быть отнесены слов. *oblok*, с.-хорв. *pròzor* / *prozor* и *òblok*, болг. *прозорец* (ЕСУМ 4: 137), в т. ч. областные единицы украинского языка: *прозурка* ‘глазок, небольшое отверстие’ (ЕСУМ 4: 594); *визір* ‘окно’, *прозір* ‘отверстие для дыма’, *прозірок* ‘тайное оконце’ (ЕСУМ 2: 279–280), а также *облак*², *облок*², *оболок*² ‘окно’ (ЕСУМ 4: 135, 137, 140). По данным используемых словарей, в языке русинов одновременно с *окно* в этом значении выступают еще такие лексемы: *возур*, *вызур*, *выгляд* (*выгляд* – СЛ: 43), а также *оболок* и *облак* (Керча 2012b: 37). Здесь обращает на себя внимание как уникальное для славянства образование с корнем *гляд-*, так и в целом большое количество этих слов у русинов, что может свидетельствовать или о заимствованиях из родственных языков, или о параллельном самостоятельном развитии этих единиц на базе общих производящих – скорее всего, под влиянием тех же «соседей». Заметим попутно, что уменьш. *окенко* ‘окошко’ с передним гласным (Керча 2007b: 16) соответствует не восточнославянским (ср. укр. *віконце*, *оконце*, рус. *оконко*, *оконце*, блр. *воконко*, *воконце*), а западно- и южнославянским образованиям – чеш. *okénko*, *okýnko*, *okénce*, слов. *okienko*, *okience*, слов. *ókence* и др. (ЭССЯ 32: 47–48).

Если дериваты с *зір-* / *зор-* / *зур-* и *гляд-* прозрачны с точки зрения мотивации, то формы *облак* / *облок* / *оболок*, как будто подсказывающие наличие в них полногласия и двух видов неполногласия, наталкивающие этим чередованием на связь с рус. *облако*, вызывают законные исследовательские вопросы. Обращение к ЭССЯ показало, что его авторы представляют два ряда гомогенных субстантивных омонимов (*obvolka I / *obvolko I / *obvolkь I и *obvolka II / *obvolko II / *obvolkь II), восходящих к глаголу *obvelkti. Первые формы дали, например, в рус. *оболока* – ‘одежда’ (отсюда *оболокаться* – одеваться), ‘чехол’, ‘крышка’, ‘помутнение роговой оболочки глаза’, укр. диал. *оболока* ‘заболонь – молодой слой древесины под корой’, а вторые – *облако* ‘облако, туча’, ‘туман, марево’ (ЭССЯ 31: 84–87). Там же составители замечают, что «проведение жесткой границы между этими двумя группами» невозможно (ЭССЯ 31: 87), как затруднительно, например, соотносить с каким-то одним значением корня русинские слова типа *оболікати* / *оболочи* ‘облекать, окутывать, зачехлять’ или *оболочина* ‘наволочка’. Наличие у подобных образований значений ‘пленка’, ‘нечто открытое / закрытое’ еще сохраняет надежду сблизить названия окна со словом *облако*.

Данное предположение разбивается этимологическими справочниками, хотя и различным путем. Так, авторы названного выше сло-

варя соотносят «оконную» семантику с глаголом *lękt'i со значением 'гнуть, сгибать, ставить силки' (ЭССЯ 15: 62). Образованное от него *oblękt'i дало *oblōkь: с.-хорв. стар. *obluk, oblak* 'окно (сводчатое)', слвн. *oblok* – 'окно' и 'дуга', чеш. *oblouk* – 'круг; полукруг'; пол. *obląk, obłęk* – 'дуга; полукружье' (ЭССЯ 28: 27). По версии ЕСУМ, данные образования восходят к *obyль < obvль – 'круглый, овальный': д.-рус. *обль, обвьль*, рус. *облый*, укр. *віблий*, пол. *obły*, чеш., слвц. *oblý*, слвн. *óbel* (ЕСУМ 1: 388). От него образованы с.-хорв. *ōblok*, слвн. *óblok*, слвц. *oblok*, венг. *oblak* – 'окно', 'круглое оконце', откуда они проникли в карпатские говоры. На заимствованный характер указывает фонетический облик слов, т. к. на местной почве должно было возникнуть *віблок*. Полногласный же вариант (*оболок*) появился в результате ложной аналогии с *оболок*, имеющим параллельные неполногласные диалектные варианты (ЕСУМ 4: 135–137).

Представляется, что возникновению ложной аналогии могли поспособствовать образования с корнем *boln-, давшие ряд образований со сходной семантикой и тем же типом чередований гласных с плавным: слвн. *blāna* 'пленка, кожица, пергамент'; чеш. *blána* 'пленка, мездра, перепонка на пальцах у птиц, плева, заболонь у коры деревьев' и др., слвц. *blana* – 'кожица, пленка', пол., н.-луж. *błona* 'плева, перепонка, кожица', рус. *болонá* 'заболонь', укр. *болóна* 'плева, оболочка; оконное стекло', блр. *болóна / балона* – 'большое стекло в раме окна'. От этого корня рус. *болонка* 'окончина, стекло в раме, маленькое окно в избе'; н.-луж. *błonka* 'клеточка, ячейка медового сота'; чеш. *blanka* 'уменьш. к *blána*'. Следует отметить, что к *bolнь (и.-е. *bhol-n < bhel- 'надуваться, разбухать') возводят и слвн. *bloun* 'облако', *blon* 'облако; большая кладь сена для просушки' (ЭССЯ 2: 175–177). В русинском этот корень представлен лексемами *блана* 'пленка (в мясе); перепонка' (Керча 2007а: 84), *болона* 'оболочка', *болонка* 'перепонка' (Керча 2007а: 90), *оболонщик* 'стекольщик' (Піскунов 1882: 160).

Таким образом, синонимический ряд *окно, возур, вызур, вигляд, оболочка* и *облак* в языке русинов сформирован исконными и заимствованными из близкородственных языков единицами, также восходящими к праславянским корням. В семантике представленных слов переплелись идеи 'глаз, смотреть', 'круглый, изогнутый', 'пленка, стекло', 'облако' – тоже не без влияния контактных языков.

Как следует из содержания приведенных выше таблиц, номинативному богатству в лексике русинов в немалой степени способствовали и **заимствования из неродственных языков**, поскольку, повторим слова историка, «в Карпатах пересекались политические границы» многих государств (Головацкий 2008: 225). Так, отражением вхождения части русинских земель в состав Австро-Венгрии стало пополнение

лексики мадьяризмами и германизмами. Некоторые примеры слов первой группы: *алдомаш* (*алдамаш*), (*одомаш* – СЛ: 104) ‘магарыч работнику’ (*áldomás*), *біреш* ‘батрак’ (*béres*), *босорка* (*босорканя*) ‘ведьма’ (*boszorkány*), *гомба*, *гомба* (ГГ: 53) ‘пуговица’ (*gomb*), *діномданом* ‘вечеринка’ (*dinomdánom*), *леґінь* ‘подросток, хлопец’ (*legeny*), *тарка*, *тарчуля* ‘домашнее животное пестрой масти’, а также *тарый*, *тарканистый*, *таркастый* ‘пестрый’, *таркастость* ‘пестрота’ (*tarka* ‘пестрый’) и др. Из немецкого восприняты слова *анцуг* (*анцук*) ‘костюм’ (*Anzug*), *брадрура* (*братрура*) ‘духовка’ (*Bratröhre*), *ґанц* ‘совсем, полностью’ (ГГ: 51 (*ganz*), *ґешефт* ‘спекуляция; прибыль’ (*Geschäft*), *мельдувати* (*миндовати*) ‘уведомлять’ (*melden*), *фашинґы* ‘пирушка, вечеринка’ (*Fasching*), *ташка*, *ташочка* ‘сумка’, а также *ташочки* ‘растение пастушья сумка’, *ташкарь* ‘сумочник’, *ташкари* ‘сумчатые животные’, *ташковый* ‘сумочный’ (*Tasche* ‘мешок, сумка; карман; кожанух’) и др. Давние дружественные связи русинов с предками современных румын, длительное время бывших единоверцами восточных славян и использовавших язык последних в церковном богослужении до середины XVII в. (Суляк 2005: 54–55; Головацкий 2008: 245–246, 252), обеспечили приток восточнороманизмов в русинский. Среди них: *больфа* (*бульфа*, *гольфа*) ‘нарыв; нарост на дереве’ (рум. *bólfă*), *брицара* ‘манжет, обшлаг рукава; браслет’ (молд. *брэцарэ*, рум. *brățără*), *каманак* ‘гуцульская шапка, берет’ (молд. *команак*, *команэк*, рум. *comănaș*), *лунга* (*лунка*) ‘заливной луг’ (молд. *лункэ*, рум. *luncă*), *мелай* (*малай*, *милай*) ‘кукуруза’ (рум. *mălăi*), *млака* ‘болото’ (молд. *млакэ*, рум. *mlăcă*), *путера* (ГГ: 159) ‘сила, мощь’ (рум. *putere*) и др. На этносах региона сказались татаро-монгольское нашествие и долгое пребывание под вассалитетом Османской империи, отозвавшиеся в языке русинов тюркизмами: *гепсом* ‘разом, полностью, целиком’ (*hepsi* ‘весь’), *кербач* (*корбач*) ‘плеть, нагайка’ (*kirbaç, kirpaç*), *чабан* ‘пастух овец’ (*çoban*) и др.

Тесные межэтнические и, соответственно, межкультурные контакты способствовали превращению ряда слов в своего рода интернационализмы, что доказывается следующими примерами: *алярм* ‘тревога, волнение’ (нем. *Alarm*, рум. *alarmă*, пол., босн., слвн. *alarm*, макед. *алармот*), *лімпа* (ГГ: 113), *лімпи* (*лімерки*) (СЛ: 89) ‘стремянка, лестничка’ (рум. *lôitră*, нем. *Lieter*, венг. *a létra*), *періль* ‘замок’ (пол. *rygiel*, нем. *Riegel*, чеш., хорв. *rigel*, блр. *рыгель*), *бунда* ‘пальто, теплая куртка, шуба’ (венг., пол., чеш., слвц., с.-хорв. *bunda*, рум. *bîndă*, болг. *бунда*), *мереньдя*, *мерендарька* (Керча 2007а: 505) ‘узелок с пищей в дорогу, на работу; натурплата’, *мерендя*, *мериндя* (ГГ: 122) ‘еда, провиант, харч; сумка для еды; большое вымя у овцы, коровы’ (слвц. *merinda*, чеш. *merenda*, пол. *mierenda, mierzenda, merenda*, рум. *merinde*) и др. Работа со словарями способствует также выявлению славянизмов в неродственных языках

контактирования, в числе которых *birka* 'овца', *medve* 'медведь', *szerda* 'среда' (венг.), *pestriț* 'пестрый', *izvor* 'родник', *bolnav* 'больной', *nevastă* 'жена', *a goni* 'гнать' (рум.) и др.

Таким образом, активные международные связи стимулируют пополнение лексических систем иноязычными единицами, что вкупе с результатами их графического, фонетического, морфологического, словообразовательного, семантического освоения в целом ряде языков и их диалектов порождает богатую синонимию номинативных средств: *чай, тея, гербата (гарбата); кукурудзи (курудзи), кукуруз (кукурудз)* (ГГ: 106), *кукуриця* (СЛ: 85), *тенґериця, кендериця, мелай* (Керча 2012а: 432); *гнів, ярость, мирег* (Керча 2012а: 190), *пизьма, пизмо* (ГГ: 149); *посоходити, поцукрити* 'посахарить'; *чоботарь, чижмарь, шустер* 'сапожник, башмачник' и др., маркируя тем самым наиболее значимые с позиций национального менталитета фрагменты мира.

Особенностью принимающего языка является активное словопроизводство на базе заимствованных слов, например *файн!* 'хорошо, молодец!', *файный, файно, файненький, файніти* 'хорошеть, красоваться', *пофайніти, файнота* 'красота, прелесть', *файнушок, файнушочка, файнятко* 'хорошенький, -ая (о детях)' (Керча 2007б: 524); *бунда, бундина* 'теплая куртка, полушубок, доха', *бундастый* 'лохматый, косматый', *бундату(ся)* 'кутать(ся)', *бундаш* 'лохматая собака; тост в яичнице' (Керча 2007а: 101–102). Это свидетельствует о высоком адаптационно-деривационном потенциале языка русинов, в т. ч. на уровне значений. Так, на основе *марга* 'скот, рогатый скот' < венг. *marha*, с.-хорв. *мърха* (ЕСУМ 3: 390) образованы *марговый, маржачный* 'скотский', *маржеина* 'говядина', *маржина* 'скотина', *маржинський* 'говяжий', а также *марговатый* 'нахальный', *маржинство* 'глупость, выходка' (Керча 2007а: 496) и др. Часть этих образований может быть заимствованием из польского (*marzena, marzyna*), хотя есть основания предполагать здесь и самостоятельное параллельное развитие в языке русинов.

В свою очередь синонимия способствует развитию семантики и стилистики номинативных средств. Так, одним из наиболее обширных, по нашим данным, в языке русинов предстает синонимический ряд *пастух* (более 40 единиц), что соответствует исконно скотоводческому образу жизни этноса (Суляк 2005: 50). В этом ряду достаточно большая группа слов толкуется общим 'пастух' (*пáстырь* и *пасты'рь, пастух*), 'пастух стада' (*ватажка, чередарь*⁵) и относительно общим 'пастух крупнорогатого скота' (*бóвгарь* и *бовга'рь, вакарь, гайдей, гуляр, гуляш, коровар, короварь*, а также *єлевникарь, єлочерь (ялочерь, ілочерь), янчер, янчирь, ярчар*), т. е. «пастух яловой худоби» – говяжьего стада, которое обозначается как *єлівник, ілівник, ялівник* (ГГ: 66–67). Объект заботы

пастухов может конкретизироваться: у *короваря* – коровы, *гуляша* и *бовгаря* – бычки, *конюхаря*, *коняря* – лошади; *телятника*, *телетника*, *телечера* – телята, *волы* – у *вол(ов)аря*, буйволы – у *буволяря*, козы – у *козаря*, свиньи – у *кондаша* и *свинаря*, овцепас называется *югасом*, *бачей*, *чабаном*, *ватагом*, *баранарем*, *баранчаром*. Если соотносить слова *янчер*, *янчирь*, *ярчар* с *єрка* (*єрька*, *ярка*) ‘молодая овца’, *єрче* (*ярче*) ‘ягненок’ *єрчук* (*єрчук*) ‘молодой баран’, то их тоже следует отнести в последнюю подгруппу. В числе других обстоятельств деятельности отмечается время (*нанучник*), место пастбы (*полонинчик* – ‘пастух на полонине’, т. е. на пастбище, в долине). Старший чабан – это *ватаг*, а помощники пастуха, подпаски названы *пастушок*, *бойтарь*, *гус(к)арь*, *свинарьчик*, *кондащик*, а также *стрункар* (*струнгарь*) (ГГ: 191), который пропускает овец к дойке по *струнке* (*струнге*) – специальному проходу в кошаре. Феминативы *бовгарька*, *пастырька*, *гус(к)арька*, *чередарька*, *свинарька*, *козарька*, *кондашка* могут обозначать как работников, так и жен пастухов, чьи роли в реальности, надо полагать, обычно совмещаются (или совмещались). Поэтому глаголы с общим значением ‘выполнять работу пастуха (подпаска)’ (*пастуховати*, *бовгарити* (*бовгарувати*), *гулярити*, *чередарити*, *козарити*, *кондашити*, *воларити*, *пастырити*, *югасити*, *гуляшити*, *бойтарити*, *ватагувати*, *ватажити*) могут обозначать, вероятно, деятельность не только мужчин, но и женщин.

Значительная часть этих слов зафиксирована в ГГ, что указывает на их областной характер, помету «у гуцулов» имеют некоторые из них (*гуляш*, *бовгарь*) и в РРС. Никакой другой дополнительной информации о сфере употребления отмеченных слов материалы использованных в статье источников не несут. В целом же данная группа слов иллюстрирует своим составом яркие особенности лексической системы языка русинов: архаику для восточнославянских языков (*чередарь*, *пастырь*), славянизмы (*бача*, *єлевникарь*, *єлочерь*, *ялочерь*), заимствования из неродственных языков (*бовгарь*, *вакарь*, *гуляш*, *кондаш*, *чабан*).

Выводы. Исторически так сложилось, что русины неоднократно находились в ситуации вполне реальной потери своей национальной идентичности в условиях монгольской, польской, австро-венгерской, османской колонизации (Суляк 2005: 56). Развиваясь в полиязычном окружении, нередко в условиях недружественной по отношению к себе государственной политики, этнос сохранил отчасти древнерусскую языковую основу – вполне возможно, в наибольшей среди восточнославянских языков степени. Самобытная история регионов сформировала серьезные различия в некогда более едином языке бойков, гуцулов, лемков, что даже ставит под вопрос правомочность употребления термина *русинский язык*. Выявленная в статье бога-

тейшая синонимия, соединяясь лишь в работах исследователей, в определенной части развивается в параллельных языковых подсистемах. Сегодня в них сосуществуют лексические единицы, ведущие свою историю с праславянского периода, со словами, пришедшими из языков соседних народов, а также воспринимаемыми из фонда современных интернационализмов. Иноязычная лексика легко ассимилируется, становясь базой деривации для новых слов по издревле сложившимся продуктивным для языка словообразовательным моделям, тем самым служа доказательством, что этнокультурные особенности ярче всего проявляются в языке его носителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Разные люди привыкли различно выражать свои мысли».
2. См. публикации в международном историческом журнале «Русин» (с 2015 г.).
3. Указание на страницы этих источников, основных для автора, дается преимущественно в перечне примеров, где присутствует материал других лексикографических справочников, дополняющий словари И. Керчи, – во избежание путаницы.
4. В русинском последнее значение выражается словом *пролишок* (Керча 2012b: 37).
5. См. об этом корне более подробно: Дронова 2015.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусское
болг. – болгарское
босн. – боснийское
в.-луж. – верхнелужицкое
венг. – венгерское
д.-рус. – древнерусская
и.-е. – индоевропейское
макед. – македонское
мн. – множественное число
молд. – молдавское
н.-луж. – нижнелужицкое
нем. – немецкое
обл. – областное
пол. – польское

полаб. – полабское
рум. – румынское
рус. – русское
серб. – сербское
слвн. – словенское
слвц. – словацкое
ср. – сравните
с-хорв. – сербско-хорватское
тур. – турецкое
укр. – украинское
уменьш. – уменьшительное
хорв. – хорватское
чеш. – чешское

ЛИТЕРАТУРА

ГГ – Гуцульські говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Головацкий 2008 – Головацкий Я. Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 224–261.

Дронова 2015 – Дронова Л.П. Генетические связи слав. *ščerda: семантическая реконструкция // Русин. 2015. № 3 (41). С. 183–190. DOI: 10.17223/18572685/41/13

ЕСУМ 1 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 631 с.

ЕСУМ 2 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1985. Т. 1. 570 с.

ЕСУМ 3 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 1. 552 с.

ЕСУМ 4 – Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 656 с.

ЕСУМ 5 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5. 704 с.

Керча 2007a – Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007a. Т. 1. 608 с.

Керча 2007b – Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007b. Т. 2. 608 с.

Керча 2012a – Керча И. Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012a. Т. 1. 580 с.

Керча 2012b – Керча И. Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012b. Т. 2. 596 с.

- Онышкевич 1966 – *Онышкевич М.О.* Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61–105.
- Осипова 1991 – *Осипова М.А.* К изоглосным связям праславянской лексики карпатского ареала // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо. Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 189–194.
- СЛ – *Mali rječnik lemківskog govora ukrajinskog jezika* // Ur. Pavlešin A. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu, 2007. 290 s.
- Піскунов 1882 – *Піскунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.
- Старикова 2016 – *Старикова Г.Н.* Названия русинских праздников как свидетельство языковой и этнокультурной специфичности народа // Русин. 2016. № 3 (45). С. 146–161. DOI: 10.17223/18572685/45/11
- Суляк 2005 – *Суляк С.Г.* Русины: страницы истории // Русин. 2005. № 1. С. 49–60.
- СУМ 1 – *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1970. Т. 1. 799 с.
- СУМ 5 – *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1974. Т. 5. 840 с.
- ЭССЯ 2 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.
- ЭССЯ 6 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1979. 222 с.
- ЭССЯ 15 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. 263 с.
- ЭССЯ 28 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2001. 266 с.
- ЭССЯ 31 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2003. 269 с.
- ЭССЯ 32 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 2005. 238 с.

REFERENCES

- Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul'ski govorki. Korotkiy slovník* [Hutsul dialects. A Brief Dictionary]. Lviv: NAS of Ukraine.
- Golovatsky, Ya. (2008) *Karpatskaya Rus'* (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Rus' (historical and ethnographic essay)]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 224–261.
- Dronova, L.P. (2015) Genetic Relationship of *cerda: Semantic Reconstruction. *Rusin*. 3 (41). pp. 183–190 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/13
- Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukrajinskoj movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Onyshkevich, M.O. (1966) Slovar' boykovskogo dialekta [Glossary of Boykos dialect]. In: Kalnyn, L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic lexicography and lexicology]. Moscow: Nauka. pp. 61–105.

Osipova, M.A. (1991) K izoglossnym svyaziam praslavyanskoy leksiki karpatskogo areala [To isoglossic relations of the Pre-Slavic vocabulary of the Carpathian area]. In: Bulatova, R.V., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (eds) *Slavistika. Indoevropéistika. Nostratika. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Dybo* [Slavistics. Indo-European studies. Nostratics. On the 60th birthday of V.A. Dybo]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 189–194.

Dragičević, S. (2007) *Mali rječnik lemkijskog govora ukraïnskog jezika*. Zagreb: Društvo za ukraïnsku kulturu.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little Russian – Red Ruthenian Dictionary of Living Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

Starikova, G.N. (2016) The names of Rusin holidays as the evidence of linguistic and ethno-cultural specificity of the nation. *Rusin*. 3 (45). pp. 146–161 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/11

Sulyak, S.G. (2005) Rusiny: stranitsy istorii [Rusins: Pages of history]. *Rusin*. 1. pp. 49–60.

Bilodid, I.K. (ed.) (1970) *Slovník ukraïns'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1974) *Slovník ukraïns'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1975) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1988) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (2001) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 28. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (2003) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 31. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (2005) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 32. Moscow: Nauka.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Galina N. Starikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru